

Ольга

Миленко



ДНЕВНИК НОЧЕЙ

ПОЭТАМ

Чем чище звучит ваша Лира,
тем тише порой псевдоним.
Ведь здесь не потребны кумиры,
толпа покорилась другим.

Как очи сонм звёзд не вмещают,
так всех вас не вместят сердца.
Но нету на это печали,
гордыни и слов из свинца.

Вас всех, поцелованных Музой,
зрят зорко с престола небес.
Вам столько даровано музык,
вам послано столько чудес!

Богаче, чем вы, никто не был,
добрей и смиреннее нет.
Поэты – посланники неба.
Однажды приходит их Свет.

* * *

По лимонной по сурепке,
сквозь фиалки, лопухи,
сквозь туман и ветер резкий
бродят синие стихи.

Бродят лёгкие, как чудо,
бестелесней облаков,
совершеннее, чем люди,
неприступнее богов.

В море звёздном, словно чаша,
где немислимая высь,

бродит, бродит тайна счастья
и летает птица-мысль.

Вей непойманною былью,
мой лиманный цветень-лог.
Прелесь в том, что это было
и витало, будто вздох.

* * *

Облетание множеств –
пух, цветы, небеса...
Вон звезда покатилаь, как чьи-то глаза.
Вот упал жухлый лист,
вот – румяный ранет.
Ничего-то под небушком вечного нет.

Книгу Мёртвых в полях прочитает овёс.
На могилу владыки помочится пёс.
На могилу поэта никто не придёт.
Даже солнце песком и травой порастёт.

Потому не спешу я себя потерять:
Никого в этом мире нельзя оболгать.
Никому ставить ногу на сердце не сметь.
Думать лишь про любовь,
помнить только про смерть.

* * *

Озеро да небо.
Солнышка часы.
От росы предутренней –
до ночной росы



всё сидеть бы сиднем,
 синью замороженным,
 с далью ненаглядною
 думать о хорошем.
 Небо наклонилось,
 хладь воды листает –
 лишь себя и видит,
 лишь себя читает...
 Хрустали да яси,
 рыбки да слюда.
 Дочиста промыла
 душеньку вода.

А всё люблю, люблю. Мало нам и мало.
 Всё чудим, танцуем и поём.
 И уходим в дали, в память и туманы:
 ищем чудо-чудное, ищем днём с огнём.
 Изумруды летние, розовые россыпи.
 Всё в цветах, обрызганных росой.
 В долг возьмём у солнышка,
 улыбнёмся просини
 и судьбы вращаем колесо.

СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

БАЛЛАДА О ПОЕЗДЕ

Я шагала по шпалам. Я поезд ждала,
 чтобы счёты с жизнью свести...
 Вдруг в слезах и мольбах,
 будто ангел светла,
 повстречалась мне доля моя на пути.

Я за нищенку долю свою приняла,
 и колечко венчальное ей отдала –
 всё одно умереть, – плащ сняла и часы...
 Глядь, а поезд ушёл,
 след виденья простыл.

Глядь, а в небе огромная встала луна,
 и такая вокруг световая волна,
 будто храм мироздания в небе царит,
 смотрит в душу мою,
 дивным светом горит.

Я за нищенку долю свою приняла,
 а она мне небесный свой свет отдала.
 Обтекает меня он бессмертной рекой...
 И не надобно мне уже доли другой.

РАДОСТЬ

Сколько было магии у судьбы и фокусов,
 Сколько повлюбляли мы в себя парней!
 А какие вырастили
 бархатцы и флоксы,
 сколько повидали бурь мы и страстей.

Пой, океан. Пой, птичий мой парчок.
 Часы, пробейте полночь. Спите, трюмы.
 Звени нежней, хрустальный башмачок.
 Мы будем постигать искусство шума.

Мы будем постигать искусство жить
 белее белого и человечней.
 Искусство просветления души
 и всех сомнений горьких и невечных.

Не дай Господь нам поглупеть с глупцом
 и оскудеть душой со скудодушным.
 Не дай остыть ни сердцем, ни лицом
 в неожиданный час предательства и стужи.

Смотри, Христос, как в домике светло
 от сбывшихся молитв и покаянья.
 ...Вот глина Вечности. Вот руки и стило.
 А дальше – совершенство мирозданья.

* * *

Что маленькие наши катастрофы,
 трагедии, тщета вражды и строф?
 Коль каждой ночью пред лицом природы
 свидетель я вселенских катастроф.

О эти грандиозные мистерии!
 Галактики в сто миллиардов солнц,
 туманности и звёздные скопления,
 где жизнь и смерть, рождение и сон.
 Как умирают звёзды, как рождаются?
 Не знаю я, но чувствую родство.

По меньшей мере,
в недрах их когда-нибудь
кипело жизни нашей вещество.

То вещество, что стало тёплым телом,
прозрением и зеркалами глаз.
Лишь мысль в свой дом
летает запредельный,
лишь мысль порою слышит божий глас...

Над Богом Бог. И над богами боги.
И над богами всех богов сверхсвет.
И бесконечно всё, и одиноко
летит Земли пылинка в пыль планет.

* * *

Предки!.. Скальды ли, викинги, россы,
хазары ли, скифы мои – я не знаю.
Бог един. Одинаково розы,
повернувшись лицом к человеку, стоят,
окроплённые чистой росой, пахнут чаем,
пахнут счастьем, как тысячелетья назад.
Бог един, и Творцу одинаково жалко
всех! – И чёрных, и белых,
и жуков, и слонов.
Что язык человеческий, что змеиное жало—
всё одно!
Пожалейте же Бога однажды и, внемля
золотому пространству,
почувствуйте вздох.
То не лепет травы и ручьёв, то за Землю,
за детей неразумных своих
тихо молится Бог.

СВЕТОТЕНИ

Тот детский капюшончик мой кургузый,
моряна утра и подобье леса,
где рос простой початок кукурузы
моей длинноволосою принцессой.

И шли балы. Разыгрывался праздник,
и двери настежь открывал Сезам...
Нет ничего прекраснее тех сказок,
которые придумываешь сам.

Порой мы возвращаемся туда,
где утреннее царство на безлюдье,
где под прозрачной корочкою льда
вода играет чисто, как на лютнях.

Припавши ниц ко льду, как под стеклом –
в какие очарованные страны
мы провожаем в память шарабаны,
наполненные светом и теплом?

КОТОМКА

Ты пришёл с пустой котомкой –
лишь на дне сидел кузнечик.
Может, даже пел негромко
про осоку светлых речек.

Небывалый тёплый вечер.
Нет в котомке вин и фруктов.
Но на дне сидит кузнечик
серо-буро изумрудный.

Удивительный подарок,
удивительней, чем полдень.
Все твои подарки помню,
а за этот выпьем чару!

Чару красного заката,
чары розовых видений.
Ничего душе не надо,
кроме вихрей вдохновенья.

* * *

О, тишина, глоточек тишины,
настой травы, настурции и хвои,
иная музыка иной страны
под куполом у Вечного покоя.

Я утону в траве, где царство тли,
шмелей, семян, цветов и паутинок,
и разгляжу в наитиях земли
дремучие и дивные картины.

О чём вещает в рупор свой вьюнок,
о чём басят шмели и гнус гнусавит?
Здесь небо гор – там город мой у ног.
Здесь рай, там ад. И дым висит, как саван.

* * *

Вот яблоня роняет в речку яблоки.
Плывут они – зелёные кораблики
туда, где нет собак, что в космос брещут.
Туда, где нет раскидистых орешин.

И Бога нет... А здесь он близко-близко.
Вон пятка Божья... так зависла низко,
что сливу гнёт. И падает мне плод
почти в компот.

...Однажды шла среди огней по городу,
где умерли друзья, враги, мечты.
И даже осени прозрачной золото.
Пожухло всё. Стоял лишь горький дым.
Я шла к себе...

АВТОПОРТРЕТ

Из всех двенадцати
я назвала бы юным принцем
тот дивный Май.
А королём наш Август венценосный.
Июнь, ты – герцог, тебя любят птицы.

Июль горячий – граф, лихой, несносный.
Сентябрь, Октябрь – бароны, богачи.
Декабрь, Январь – крестьяне на печи.

Февраль и Март – повесы во хмелю.
Но я вас всех, прекрасные, люблю.

Не назвала Ноябрь и Апрель,
Один – отец, другой – прекрасный Лель.
Все эти образы, как жизнь, боготворю.
И с каждым месяцем я что-нибудь творю

* * *

Что было – никто уж не вспомнит.
Быть может, лишь ты да я,
тугих гладиолусов полночь,
как раковины и моря.

Высокая песня приборя
небесной звучала трубой.
О, ты, упоенье любовью,
о, ты, упоенье собой.

Бессмертьем влекущие кудри,
куда улетаёт ваш дым?
Но стал ты степенным и мудрым
и, как проповедник, седым.

Нет, мне никогда не заплакать
от вечных трагедий и драм.
Люблю голубиный тот август,
навек загостила я там.

